

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

МАРКСИЗМ И ПЕРВОБЫТНОСТЬ

[о книге Э. Террея «Марксизм и примитивные общества»]*

Книга французского социолога и этнографа Э. Террея состоит из двух самостоятельных очерков. В первом из них — «Морган и современная этнография» — предпринята попытка дать обстоятельный анализ теоретических воззрений выдающегося американского этнографа, в частности раскрыть материалистический характер его взглядов на историю и показать значение разработанных им понятий и методов для современной науки о первобытности. Во втором, озаглавленном «Исторический материализм и сегментарные, базирующиеся на родовых связях общества», автор, основываясь на материалах, содержащихся в работе французского исследователя К. Мейясу «Экономическая антропология гуро Берега Слоновой Кости»¹, пытается показать значение материалистического понимания истории для исследования первобытного общества.

Выход в 1972 г. английского перевода книги Э. Террея спустя всего лишь три года после ее появления на французском языке служит одним из показателей возрастающего интереса зарубежных этнографов к марксизму вообще и материалистическому пониманию истории в особенности. И это явление имеет свою серьезную причину. Она заключается в глубоком теоретическом кризисе, охватившем к настоящему времени зарубежную этнографическую науку. О наличии такого кризиса говорится, в частности, на первой же странице предисловия издателя к оригинальной публикации рассматриваемой книги. Вопрос о том, насколько применим исторический материализм к исследованию «примитивных» обществ, указывается в этом предисловии, дебатировался уже давно. И современный теоретический кризис в этнографии создает «большую возможность для оценки как самого вопроса, так и условий, имеющих существенное значение для ответа на него» (стр. 1).

По мнению автора предисловия, исторический материализм может быть применен к первобытному обществу и тем самым исследование может стать подлинно научным только при соблюдении двух необходимых условий. Первое из них заключается в критическом пересмотре как идей буржуазной этнографии, так и накопленных ею материалов (стр. 2). Второе условие состоит в таком преобразовании фундаментальных понятий исторического материализма, которое позволит производить точные исследования в этой новой и специфичной области (стр. 2).

Вдвигание второго условия связано с определенным взглядом издателя и автора книги на исторический материализм. И на этом взгляде необходимо остановиться особо, ибо он в значительной степени определил направление теоретических изысканий Э. Террея.

* E. Terray, *Le marxisme devant les sociétés «primitives»*, Paris, 1969; англ. перевод: E. Terray, *Marxism and «primitive» societies*, N. Y.—London, 1972 (в дальнейшем все ссылки на книгу даются в тексте по английскому изданию).

¹ C. Meillassoux, *L'antropologie économique des Gouro de Côte d'Ivoire*, Paris, 1964.

В последние десятилетия некоторые зарубежные исследователи, в частности К. Полани и Дж. Дальтон, пришли к выводу, что «экономический детерминизм», под которым они понимают и марксово материалистическое понимание истории, верен, но лишь по отношению к капиталистическому обществу. Что же касается докапиталистических обществ вообще, в том числе и первобытного, то к ним он совершенно неприменим². И эта точка зрения оказала известное влияние на взгляды как автора предисловия, так и самого Э. Террея, которые рассматривая материалистическое понимание истории как универсальную концепцию, в то же время считают, что исторический материализм в том его виде, в котором он был создан К. Марксом и существует сейчас, применим в основном лишь к капиталистическому обществу. Использование его в существующем виде для изучения первобытности означает не что иное, как «механическое применение к результатам этнологических исследований специальных категорий, предназначенных для понимания капиталистического способа производства» (стр. 2). Докапиталистические общества вообще, первобытное в частности, находятся, по мнению как автора предисловия, так и Э. Террея, в настоящее время вне сферы исторического материализма. Во взглядах на них безраздельно господствует идеализм. И преодолеть такое положение можно только путем создания общей теории всех докапиталистических обществ, которая войдет в исторический материализм в качестве его составной части. «Марксисты-исследователи,— пишет Э. Террей,— стоят теперь перед задачей вытеснить эту идеологию (идеалистическую.— Ю. С.) из ее последнего убежища, ввести область, давно зарезервированную за социальной антропологией, в сферу исторического материализма и тем продемонстрировать универсальную применимость его понятий и методов. Сделав это, они обеспечат превращение социальной антропологии в особенную часть исторического материализма, посвященную социально-экономическим формациям, в которых капиталистический способ производства отсутствует и в исследовании которых сотрудничают этнологи и историки» (стр. 184).

В этой точке зрения есть доля истины, но в целом согласиться с ней нельзя. Основная ошибка как автора предисловия, так и самого Э. Террея заключается в том, что они оказались не в состоянии понять различие между историческим материализмом, с одной стороны, и теориями конкретных общественно-экономических формаций — с другой. В результате они не смогли правильно понять и отношение между марксистским материалистическим пониманием истории и детально разработанной К. Марксом теорией капитализма. К. Маркс создал теорию лишь одной общественно-экономической формации — капиталистической. Остальные общественно-экономические формации не были изучены им столь же детально, что, конечно, не могло в какой-то степени не сказаться и на понятийном аппарате исторического материализма. Но это отнюдь не означает, что исторический материализм в том его виде, в каком он был создан К. Марксом, применим лишь к обществам с капиталистическим способом производства. Если понятия марксистской политической экономии капитализма в большинстве своем нельзя приложить к первобытному обществу, то основные положения и фундаментальные категории исторического материализма в равной степени справедливы в отношении как капиталистического, так и первобытного обществ.

В трудах классиков марксизма содержится не только теория капиталистического общества, но и ценнейшие идеи, относящиеся к докапиталистическим формациям вообще и к первобытной в частности. Но, как справедливо отмечает автор предисловия, исследователи-марксисты не могут ограничиваться их повторением. Необходимо развивать их дальше (стр. 2). Однако движение вперед должно состоять вовсе не в преобразовании категорий исторического материализма, имеющем целью дополнить уже существующее материалистическое понимание истории, применимое в основном лишь к капитализму, новой его частью, специально относящейся к докапиталистическим обществам, как полагает Э. Террей. Необходимо, руководствуясь материалистическим пониманием истории, в одинаковой степени применимым ко всем формациям, разрабатывать теории докапиталистических формаций.

Необходима детальная разработка теории каждой докапиталистической формации, и в частности первобытного общества. Эти теории не представляют составных час-

² K. Polanyi, Primitive, archaic and modern economies, N. Y., 1968, p. 61, 65, 66, 70, 71, 84; G. Dalton, Introduction, там же, стр. XVII.

тей исторического материализма, подобно тому как не является таковой созданная К. Марксом политэкономия капитализма. Соответственно исторический материализм не состоит и не может состоять из разделов, каждый из которых применим лишь к одной формации или группе сходных в каком-либо отношении формаций. Если бы это случилось, то он перестал бы быть общим методом познания общественных явлений, т. е. перестал бы быть самим собой.

Иное дело, что разработка теорий докапиталистических общественных формаций не может не сказаться на самом историческом материализме, не может не привести к изменению отдельных его положений, уточнению его категорий, может быть даже к появлению новых понятий. Но это вполне в порядке вещей. Любой метод неизбежно должен совершенствоваться в процессе его применения. Иначе он просто перестает действовать. Материалистическое понимание истории не составляет исключения.

Именно с тем, что Э. Террей рассматривает докапиталистические общества вообще, первобытное в частности, как находящиеся в настоящее время вне сферы исторического материализма, связана высокая оценка им работы К. Мейясу «Экономическая антропология гуро Берега Слоновой Кости». «Появление «Экономической антропологии гуро» Клода Мейясу,— пишет он,— может оказаться поворотным пунктом в истории этнографии» (стр. 95). Но даже если бы Э. Террей был действительно прав в своем утверждении, что «Клод Мейясу является первым исследователем, воспитанным на понятиях и методах традиционной этнографии, который отважился применить категории исторического материализма к конкретному «примитивному» обществу» (стр. 95), это отнюдь еще не дает основания говорить о принципиальной новизне его подхода к исследованию первобытности. Советские этнографы всегда руководствовались материалистическим пониманием истории в исследовательской работе. И даже в этом смысле первобытное общество давно уже находится в сфере материалистического понимания истории³. Однако, хотя Э. Террей в целом неправ, в его словах содержится известная доля истины.

Теория любой конкретной общественно-экономической формации есть прежде всего теория ее экономической структуры. Однако теория экономики доклассового общества пока еще недостаточно разработана. Основная причина такого положения длительное время заключалась в отсутствии прочного фактического фундамента. До возникновения научной дисциплины, специально занимающейся исследованием экономических отношений доклассового и формирующегося классового общества (в зарубежной литературе она получила название *экономической антропологии*), о всесторонней разработке теории первобытной экономики не могло быть и речи⁴. Но и после ее появления должен был пройти определенный период, прежде чем был накоплен достаточный материал. В настоящее время детальная разработка теории первобытной экономики стала не только возможной, но и настоятельно необходимой. Теоретическое

³ Советские этнографы руководствовались и руководствуются материалистическим пониманием истории как при решении общих проблем истории первобытности, так и при изучении отдельных конкретных доклассовых обществ. Не имея возможности перечислить все работы, назовем несколько, на наш взгляд, наиболее интересных: Ю. П. Аверкиева, Разложение родового строя и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 70, М., 1961; ее же, Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв., М., 1970; Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории, «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972; А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964; М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1957; «Общественный строй у народов Сибири. XVII—начало XX в.», М., 1970; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 54, М., 1960; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев, История первобытного общества, М., 1974; С. А. Токарев, Происхождение общественных классов на островах Тонга, «Сов. этнография», 1958, № 1; С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8; его же, Древний Хорезм, М., 1948; Л. А. Файнберг, Общественный строй эскимосов и алеутов, М., 1964.

⁴ Подробнее об экономической антропологии, ее истории и современном состоянии см.: Ю. И. Семенов, Теоретические проблемы «экономической антропологии», в сб. «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973.

осмысление колоссального фактического материала, накопленного за последние 50 лет, стало потребностью развития науки. И эта потребность в той или иной форме осознается специалистами по первобытной экономике. Наглядным выражением этого является развернувшаяся в последние годы в экономической антропологии дискуссия между сторонниками субстантивистского и формалистического направлений⁵.

Однако даже субстантивисты, не говоря уже о формалистах, не создали подлинной теории первобытной экономики. И причины здесь далеко не личного характера. Суть дела в том, что подлинно научная теория первобытной экономики может быть создана лишь на основе материалистического понимания истории, а все ведущие участники дискуссии, не исключая субстантивистов, стояли на иных методологических позициях. Подлинно научной теорией первобытной экономики может быть только марксистская ее теория. И тот факт, что выход из теоретического кризиса, который переживает экономическая антропология, может быть найден только с помощью исторического материализма, в какой-то степени начинает осознаваться к настоящему времени целым рядом специалистов по первобытной экономике. С этим связан и растущий среди них интерес к марксизму⁶.

Именно объективная потребность в разработке теории первобытной экономики и объективная необходимость обращения для этого к историческому материализму и нашли свое выражение в появлении работ К. Мейясу и Э. Террея. Однако стоящая перед наукой задача не была осознана последним в адекватной форме. Она была осознана им как необходимость дополнить исторический материализм особым разделом, относящимся к докапиталистическим формациям. Уже одно это не могло способствовать успеху его начинания. Но к тому же Э. Террей несколько своеобразно, если не сказать больше, трактует основные категории материалистического понимания истории.

Это прежде всего относится к центральному понятию исторического материализма — категории «общественно-экономическая формация».

Человеческое общество всегда, на всех этапах своего развития, состояло из значительного числа отдельных конкретных обществ, каждое из которых было особым социальным организмом, развивающимся более или менее самостоятельно, т. е. имеющим свою собственную историю⁷. Каждое единичное общество имеет свои особенности, которые отличают его от всех остальных. Индивидуальностью, неповторимостью отличается и развитие каждого такого социального организма. Создание подлинной науки об обществе требует раскрытия *общего* между социальными организмами, выявления *повторяющегося* в их развитии. Эта задача была решена К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Из всего многообразия социальных связей ими были выделены такие, которые, возникая и существуя независимо от воли и сознания людей, определяют их взгляды, намерения, стремления, а тем самым и все прочие общественные отношения. Этими материальными объективными связями являются производственные, социально-экономические отношения.

Выделение производственных отношений из массы всех остальных социальных связей было одновременно и выявлением существования нескольких основных их типов. Тем самым выяснилось, что разные социальные организмы могут иметь как одинаковую социально-экономическую структуру, т. е. образованную производственными отношениями одного и того же типа, так и неодинаковую, т. е. образованную производственными отношениями разных типов. Так как производственные отношения являются фундаментальными, определяющими, то все конкретные общества, имеющие своей основой одну и ту же систему социально-экономических отношений, несмотря на все различия, представляют собой в сущности одно и то же общество, относятся к одному и тому же типу. С другой стороны, социальные организмы с неодинаковой экономи-

⁵ Ю. И. Семенов, Указ. раб.

⁶ R. Frankenberg, Economic anthropology. One anthropologist's view, In: «Themes in economic anthropology», London, 1967; S. Cook, The «anti-market» mentality re-examined: a further critique of the substantive approach to economic anthropology, «Southwestern journal of anthropology», vol. 25, № 4, 1969; M. Sahlin, Stone age economics, Chicago — New York, 1972, и т. д.

⁷ См. Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8.

ческой структурой, какие бы черты сходства между ними ни существовали, в сущности своей глубоко различны, относятся к разным типам общества.

Таким образом, в результате выделения производственных отношений как основы любого общества и выявления существования среди них качественных различий огромное множество социальных организмов было сведено к нескольким основным типам, которые и были названы общественно-экономическими формациями. «Анализ материальных общественных отношений,— писал В. И. Ленин,— сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*»⁸.

Тип общества может существовать лишь в конкретных обществах данного типа. Каждая конкретная общественно-экономическая формация существует не рядом с отдельными обществами, а лишь в самих этих социальных организмах в качестве их глубокой общей основы, их внутренней сущности, а тем самым и их типа.

Но категория «общественно-экономическая формация» есть понятие не только о типе общества, основывающемся на определенной системе производственных отношений. Она значительно более сложна и многогранна. Каждая система производственных отношений связана с более или менее определенным уровнем развития производительных сил. Определенные производительные силы с определенной системой производственных отношений образуют единство — тот или иной способ производства. С развитием производительных сил одна система производственных отношений рано или поздно сменяется другой, более прогрессивной, что влечет за собой смену одного типа общества другим, более высоким его типом.

Таким образом, каждая общественно-экономическая формация является таким типом общества, который одновременно представляет собой и определенную стадию его поступательного развития. Соответственно эволюция всего человеческого общества в целом является не чем иным, как естественно-историческим процессом развития и смены общественно-экономических формаций. Именно такое понимание истории и называется материалистическим.

В книге Э. Террея мы сталкиваемся с иным пониманием общественно-экономической формации. На протяжении всего своего второго очерка он говорит об общественно-экономической формации гуру, имея в виду не тип, к которому относится общество гуру, а не стадию всемирно-исторического развития, на которой это общество находится, а само конкретное, единичное общество гуру. И мы имеем дело не с неудачной формулировкой, а с определенной концепцией. Везде, где только Э. Террей употребляет термин «общественно-экономическая формация», он применяет его для обозначения отдельного общества, т. е. социального организма, или системы социальных организмов. Наряду с общественно-экономической формацией гуру он упоминает общественно-экономические формации пигмеев мбути и масаев (стр. 140). Соответственно он везде пишет не о доклассовой, первобытной общественно-экономической *формации*, а о «примитивных» общественно-экономических *формациях* (стр. 104, 140, 144). Точно так же Э. Террей говорит не о капиталистической общественно-экономической *формации*, а об общественно-экономических *формациях*, в которых господствует капиталистический способ производства (ст. 146, 147, 183). Понятие об общественно-экономической формации как типе общества, являющемся стадией всемирно-исторического развития, в концепции общества, отстаиваемой Э. Терреем, отсутствует, что делает ее весьма отличной от марксова материалистического понимания истории.

Это обстоятельство сказалось и на анализе взглядов Л. Моргана, предпринятом Э. Терреем в первом очерке. Сам по себе этот очерк содержит много совершенно верных мыслей. Э. Террей справедливо указывает, что в книге Моргана «Древнее общество» изложена вовсе не *история* первобытности, как многие думают, а *теория* первобытной истории (стр. 24, 88). Обращаясь к трем последним частям «Древнего общества», озаглавленным «Развитие идеи управления», «Развитие идеи семьи» и «Развитие идеи собственности», Э. Террей указывает, что здесь слово «идея» имеет особый смысл. Морган этим хотел подчеркнуть, что в книге излагается не эмпирическая история власти, семьи и собственности, а выявляется объективная логика, объективная необходимость развития этих общественных явлений (стр. 25, 26).

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

Материалистическое понимание истории у Моргана Э. Террей видит во взгляде на развитие способа добывания средств существования, на рост изобретений и открытий как на фактор, определяющий эволюцию собственности и всех прочих общественных отношений и институтов (стр. 51, 52, 56, 57, 65, 66). Как он считает, употребляемое Морганом понятие «средства существования» фактически не отличается от введенного К. Марксом понятия «производительные силы» (стр. 66). Но самое важное из того, что дает основание для характеристики Л. Моргана как мыслителя, самостоятельно пришедшего к материалистическому пониманию истории, ускользнуло от внимания Э. Террея. Мы имеем в виду выделение Морганом двух основных типов общества. «Опыт человечества,— писал он,— создал только два плана общественного строя... Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой организацию социальную, основанную на родах, фратриях и племенах. Второй и позднейший представлял собой организацию политическую, основанную на территории и собственности»⁹. Эти два типа общества Морган связывал с двумя типами собственности: первый — с коллективной собственностью, второй — с частной. В результате совершенствования способа добывания средств к существованию коллективная собственность уступила место частной собственности, и соответственно на смену родовому обществу пришло общество «политическое», т. е. классовое. Только выявив это, Морган смог прийти к материалистическому пониманию истории, которое не может быть ничем иным, как пониманием ее как естественно-исторического процесса развития и смены общественно-экономических формаций.

Не поняв этого, Э. Террей не смог правильно оценить целый ряд высказываний Моргана о том, что история человечества есть процесс, происходящий независимо от воли и сознания людей. В них он усмотрел всего лишь отзвуки дарвиновской теории эволюции органического мира (стр. 15, 16).

Не лучше, чем с категорией «общественно-экономическая формация», обстоит дело у Э. Террея и с понятием «способ производства». Критикуя К. Мейясу, который, если верить Э. Террею, сводил способ производства к форме хозяйства, к технике производства, последний дает собственное определение. «Способ производства,— пишет он,— есть система, состоящая из трех частей: экономического базиса (Base), политико-юридической надстройки и идеологической надстройки. В конечном счете экономический базис есть определяющий фактор внутри системы, и поэтому должен быть отправным пунктом для построения теории способа производства. Экономический базис в свою очередь есть комбинация системы производительных сил и системы производственных отношений» (стр. 97, 98).

Ссылка в качестве доказательства на «Капитал» совершенно неправомерна. Ни в «Капитале», ни в какой-либо другой работе К. Маркса мы не находим ничего даже отдаленно приближающегося к данному определению. К. Маркс, Ф. Энгельс, а вслед за ними подавляющее большинство марксистов под способом производства, как правило, понимали и понимают определенную систему производственных отношений вместе с определенными производительными силами¹⁰, т. е. то, что Э. Террей называет «экономическим базисом». В историческом материализме существует термин «экономический базис» или же просто «базис». К. Маркс, Ф. Энгельс и другие марксисты применяли и применяют его для обозначения существующей в обществе системы производственных отношений, являющейся основой, фундаментом всех прочих общественных отношений и форм общественного сознания¹¹. Следует отметить, что в ряде мест своей работы Э. Террей, вступая в противоречие со своим собственным определением, понимает способ производства только как определенное единство производительных сил и производственных отношений (стр. 147, 177).

Таким образом, Э. Террей допускает неточности даже при изложении основ исторического материализма. Еще больше сложностей возникает, когда он пытается преобразовать категории материалистического понимания истории, чтобы приспособить их к специфике докапиталистических обществ вообще, первобытного общества в частности.

⁹ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 38.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 13, стр. 7; т. 20, стр. 211, 497; т. 21, стр. 309; т. 23, стр. 9, 91; т. 25, ч. I, стр. 357, 364, 483, 484; т. 25, ч. II, стр. 450 и др.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 13, стр. 6—8; т. 25, ч. II, стр. 354 и др.

В центре его внимания находится проблема соотношения производственных отношений и прочих общественных связей. Начинает он с труднейшего, по его собственным словам, вопроса об отношении между производственными и родственными отношениями в первобытном обществе. Э. Террей не согласен с мнением К. Леви-Стросса, что в «примитивных» обществах правила родства и брака «обладают операционной ценностью, равной той, что имеют экономические явления в нашем собственном обществе» (стр. 139). «Отсюда следует,— пишет Э. Террей, критикуя эту точку зрения,— что этнология должна покинуть анализ экономической инфраструктуры для анализа родственных отношений, ибо только последний ведет к пониманию «глубинной структуры» примитивных обществ. Но в таком случае последние не являются больше сферой применения исторического материализма, и автономия социальной антропологии оправдывается непреодолимой спецификой ее объекта» (стр. 139).

Достаточным опровержением данного взгляда служит, по его мнению, уже то, что родственные отношения доминируют в социальной структуре не всех примитивных «общественно-экономических формаций», а только части их. Они не доминируют, в частности, ни у масаев, ни у пигмеев мбути (стр. 140).

Но предложенное самим Э. Терреем решение вопроса об отношении между производственными и родственными отношениями в тех обществах, в которых последние являются доминирующими, не отличается особой ясностью. Как указывает он, родственные отношения состоят из особого «материала», имеют «генеалогический» базис, который видоизменяется под воздействием производства таким образом, чтобы отвечать его потребностям. В результате производственные отношения «реализуются» в родственных отношениях (стр. 143, 144). Помимо экономической «фазы» «способа производства» на «генеалогический» базис родственных отношений действуют также и политико-юридическая и идеологическая его «фазы» (стр. 143, 144). Политико-юридические и идеологические отношения также «реализуются» в родственных (стр. 139).

Взгляды автора по данному вопросу излагаются так, что остается совершенно неясным, имеются ли в рассматриваемых им обществах особые производственные, политико-юридические и идеологические отношения, отличные от родственных, или же они существуют только в форме последних. Его высказывания допускают и то и другое толкование.

Крайне противоречивы и взгляды Э. Террея на соотношение производственных и прочих социальных связей в докапиталистических обществах вообще. Прежде всего он подчеркивает качественное отличие всех этих обществ от капиталистического. По его словам, в капиталистическом «способе производства» «экономический базис» является не только *детерминирующим*, как в других «способах производства», но и *доминирующим* и соответственно с этим играет основную роль в производстве (стр. 146). Капиталистические производственные отношения есть отношения исключительно экономические.

Иначе обстоит дело с докапиталистическими производственными отношениями. Они не являются только экономическими (стр. 148). На следующей странице автор уточняет это положение. Характерными для докапиталистических «способов производства» «были,— пишет он,— *неэкономические* узы между производителями, средствами производства и иногда также непроизводителями. Эти узы были не только политическим или идеологическим представительством производственных отношений, но и входили в них как составляющие элементы» (стр. 149). Чуть ниже мы узнаем, что «в докапиталистических способах производства эти узы (т. е. неэкономические.— Ю. С.) выполняют функции, принадлежащие коммерческим отношениям в капиталистическом способе производства» (стр. 149). Неэкономические узы по существу оказываются уже единственным составным элементом докапиталистических производственных отношений. Ни о каких других их элементах автор не говорит ни слова. И завершается это утверждением, что в докапиталистических «способах производства» доминирующим фактором является не «экономический базис», а «идеологическая и политическая надстройка» (стр. 149). «Доминирование надстройки,— разъясняет Э. Террей,— означает *сравнительную интеграцию* трех фаз способа производства; это имеет место, когда юридические, политические или идеологические узы становятся условием процесса производства и соответственно надстройка по необходимости вводится в самый экономический базис» (стр. 150).

Таким образом, Э. Террей в конечном счете приходит к выводу, что в докапиталистических обществах роль производственных отношений выполняют неэкономические, надстроечные связи — политические, юридические, идеологические. Но если все обстоит именно так, то от материалистического понимания общества и истории ничего не остается. И Э. Террею не может помочь ссылка на то, что, согласно его точке зрения, в докапиталистических «способах производства» «экономический базис», не будучи доминирующим, является в то же время детерминирующим (стр. 146). О каком «экономическом базисе» и какой детерминации может идти речь, если сам этот базис не включает в себя никаких других отношений, кроме неэкономических, надстроечных? Сами понятия базиса и надстройки теряют при этом всякий смысл.

Единственным логическим выводом из всех приведенных выше рассуждений Э. Террея может быть только тот, к которому пришли К. Полани, Дж. Дальтон и некоторые другие субстантивисты: исторический материализм, являясь верным в отношении капиталистического общества, неприменим к докапиталистическим обществам. Вывод этот неверен. Фундаментом не только капиталистического, но и всех вообще социальных организмов является система производственных отношений, которые не могут быть никакими другими, кроме как объективными, материальными социально-экономическими отношениями. Однако социально-экономические, производственные связи в докапиталистических обществах вообще, и первобытном в частности, существенно отличаются от капиталистических. Специфический характер носят и отношения между базисом и надстройкой в докапиталистических обществах. И детальный анализ этого своеобразия — одна из самых важных задач, стоящих перед исследователями-марксистами. Пока она не будет выполнена, ошибки, подобные тем, которые допустил Э. Террей, будут повторяться. И не случайно сходные с выдвинутыми Э. Терреем положения мы находим в работах и других авторов.

Теоретические воззрения Э. Террея в конечном счете определяют и результаты предпринятого им анализа экономической структуры общества или, как он сам предпочитает называть, «общественно-экономической формации» гуру. Приступая к этому анализу, Э. Террей исходит из того, что, согласно материалистическому пониманию истории, в любой «общественно-экономической формации» должно быть не менее двух «способов производства» (стр. 73). Следует сразу же сказать, что ничего подобного этому положению исторический материализм не содержит. Конечно, в конкретном отдельном обществе может существовать не один способ производства, а несколько, но это вовсе не обязательно. Существовали и существуют социальные организмы с одним лишь способом производства.

Поиски не менее двух способов производства в «общественно-экономической формации» в значительной степени были облегчены крайней неопределенностью смысла, который вкладывает Э. Террей в термин «производственные отношения». Особенно неясным становится значение этого термина, когда автор обращается к докапиталистическим обществам вообще, в том числе к первобытному. Неопределенность эта проявляется и в том, что говоря о производственных отношениях, Э. Террей нигде не указывает на те признаки, которые, по его мнению, отличают один тип производственных отношений от другого, а тем самым и один способ производства (в обычном смысле слова) от другого. Ничего мы не узнаем от него и о том, сколько же, по его мнению, вообще существует типов производственных отношений и соответственно способов производства.

И в результате в основу выделения способов производства Э. Террей кладет не тип производственных отношений, как это принято в историческом материализме, а фактически формы кооперации труда. «Способов производства» в «общественно-экономической формации» существует, согласно его взгляду, столько, сколько имеется в ней форм кооперации труда. «Число разных форм кооперации, находящихся внутри одной такой формации,— пишет он,— указывает на комбинированное «присутствие» такого же числа способов производства» (стр. 177, 178). Так как в действительности способы производства отличаются друг от друга прежде всего характером системы производственных отношений, а однозначного соответствия между системами производственных отношений и формами кооперации не существует, то тем самым открывается возможность выделения любого числа «способов производства». И эту возможность Э. Террей широко использует.

У гуру он выделяет две основные формы кооперации: *сложную*, которая характеризуется использованием коллективных орудий труда и предполагает разделение труда (стр. 115), и *простую*, при которой работники выполняют идентичную или аналогичную работу (стр. 111). В свою очередь простую кооперацию он подразделяет на две субформы: расширенную простую кооперацию и ограниченную простую кооперацию (стр. 115).

Сложная кооперация имеет место в охоте с сетью, в которой принимают участие все мужчины деревни. Ей соответствуют производственные и надстроечные отношения, которые «реализуются» в племенно-деревенской системе. Это первый способ производства в обществе гуру (стр. 116—122). Он охватывает только мужчин (стр. 156). Простая кооперация обнаруживает существование второго способа производства, который «реализуется» в «линиджной системе» (lineage system) или замещающей ее «системе клала» (стр. 122, 123, 137). Этот «способ производства» охватывает и мужчин и женщин.

Как на характерную черту производственных отношений первого способа производства Э. Террей указывает на коллективную собственность на средства производства и эгалитарные правила распределения (стр. 137). Однако от него же мы узнаем, что о собственности на сети у гуру ничего не известно (стр. 120). А у народа со сходной экономической структурой — дига — сети, используемые в охоте, принадлежат не всей деревне, а тем или иным «линиджам» (стр. 120). У гуру, живших в лесах, добыча делилась между всеми участвовавшими в охоте. У гуру из саванны каждый охотник получал лишь то, что добывал сам. Лишь в некоторых деревнях происходило перераспределение добытого (стр. 121, 151). На этом примере можно отчетливо видеть, что одна и та же форма кооперации может сочетаться с разными социально-экономическими отношениями.

Обращаясь ко второму способу производства, Э. Террей соответственно двум субформам кооперации выделяет два вида производственных ячеек: «рабочую бригаду» (work-team) и состоящую из нескольких таких «бригад» «производственную общину» (production community). Последняя служит основной единицей. Она обычно «реализуется» в «линидже», что и дает основание именовать всю систему в целом «линиджной».

«Линидж» в лице своего старейшины является собственником земли (стр. 121). Именно «линидж», а не «рабочая бригада» является единицей потребления продуктов (стр. 126). Его члены совместно питаются (стр. 112), урожай, собранный ими, хранится в общественных зернохранилищах, находящихся под контролем старейшины. К последнему идет весь созданный группой продукт и от него возвращается к ее членам (стр. 126, 127). Перед нами, таким образом, картина чуть ли не полного коллективизма.

Однако буквально тут же мы узнаем, что молодые люди со временем получают участок земли и право полностью распоряжаться частью продукта (стр. 131). Автор рассказывает о случае, когда сын, расчистивший для себя участок земли, отказался работать на отца и последний ничего не мог с ним поделать (стр. 132). Сообщается также, что в полигамных семьях жены делились на группы, каждая из которых имела особое рисовое поле, особое зернохранилище и собственный очаг (стр. 112). Далее мы узнаем, что скот был индивидуальной собственностью старейшин и богачей (стр. 113). Старейшины и знатные люди отдавали скот в пользование жителям других деревень и тем самым ставили последних в зависимое положение (стр. 134). И после этого не может уже удивить сообщение о существовании в традиционном обществе гуру рабов и клиентов (стр. 136, 171).

Автор ставит нас также в известность, что у гуру была широко распространена система *клала*. Она существовала там, где были ослаблены связи внутри «линиджа», и представляла собой замену «линиджной» кооперации. В состав группы клала могли входить люди, принадлежащие к разным «линиджам». Эта группа поочередно обрабатывала участки земли, принадлежавшие отдельным ее членам. Отношения внутри такой группы строились на началах строго взаимного расчета (стр. 124, 125). И эту систему отношений, идущую на смену «линиджной», Э. Террей относит к тому же самому способу производства.

Нетрудно заметить, что у Э. Террея не получилось стройной картины общества гуру. Отдельные его утверждения противоречат друг другу и имеющемуся материалу.

Он не смог, на наш взгляд, привести факты в систему, выявить их внутреннюю связь, понять сущность рассматриваемых социальных отношений.

Если учесть все, что было сказано выше об отстаиваемой Э. Терреем трактовке понятий материалистического понимания истории, то причина неудачи, постигшей его, станет еще более ясной.

И об этом нельзя не пожалеть, ибо не может быть никаких сомнений в искренности стремления Э. Террея доказать возможность использования исторического материализма для изучения первобытного общества и самому руководствоваться материалистическим пониманием истории в своих исследованиях. Будем надеяться, что в последующих своих работах автор рецензируемой книги сумеет преодолеть отмеченные недостатки и достигнет желаемой цели.

Ю. И. Семенов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. Б. Мириманов. Первобытное и традиционное искусство, М., 1973, 319 стр.

Книга В. Б. Мириманова «Первобытное и традиционное искусство», выпущенная в серии «Малая история искусств», рассчитанная на широкого читателя, представляет собой несколько необычное и, скажем сразу, отрадное явление в нашей литературе. В этой работе, написанной, как сейчас принято говорить, на стыке искусствоведения, этнографии и истории первобытного общества, рассматривается целый комплекс важных и сложных проблем, связанных с возникновением и развитием изобразительного искусства и художественного творчества вообще в доклассовых обществах. Вместе с тем этот очерк, построенный на базе последних достижений советской и мировой науки, написан очень хорошим языком, без малейших следов злоупотребления специальной терминологией.

По всем разделам книги последовательно проводится одна идея — о художественном творчестве как специфически человеческой форме деятельности, в равной мере присущей всем народам, населяющим земной шар. Именно поэтому автор стремится показать единство основных этапов развития изобразительного искусства в разных регионах, особенно в тех случаях, когда совершенно невозможно говорить о прямой преемственности или непосредственном влиянии, например в Океании и во Франко-кантабрийском районе.

В. Б. Мириманов уделил большое внимание таким важным вопросам, как причины возникновения художественного творчества и его роль в развитии человеческого общества на ранних этапах последнего. Автор совершенно прав, когда утверждает, что «только появление *общественного* человека (курсив автора) могло вызвать к жизни тот специфический вид сознательной деятельности, который мы называем искусством» (стр. 22). Едва ли можно возражать и против мнения В. Б. Мириманова о том, что понятие художественной деятельности в применении к первобытному человеку не идентично понятию искусства «в том смысле, который приобрело это понятие позднее», поскольку формирующееся эстетическое чувство поначалу растворено, по выражению автора, в сложном синкретическом духовном комплексе (стр. 23). Однако заявление, будто «искусство как особый вид деятельности *социального* (курсив автора) человека также сыграло значительную роль в формировании современного вида *Номо sapiens*» (стр. 22), при всех оговорках, какие высказаны далее, видимо, все же чрезмерно категорично.

В. Б. Мириманов прав, когда рассматривает общность сюжетов и стилистики палеолитического искусства практически на всей территории ойкумены как свидетельство единства человечества. «Следует признать, — подчеркивает он, — что эта общность не может быть ни чем иным, как стихийным выражением общего начала, но не в плане отдельной этнической группы, а в масштабе общечеловеческой общности» (стр. 60). После сложения *Номо sapiens* как биологического вида продолжавшаяся трудовая деятельность, в которую теперь входило и художественное творчество как особый ее вид, в частности изобразительное искусство, способствовала дальнейшему совершенствованию производственных навыков человека и орудий его труда, причем процесс этот был весьма длительным. «Первобытному человеку, — подчеркивает автор, — понадобились сотни тысячелетий, чтобы проделать путь от грубого рубила до острого тонкого резца, которым выгравированы были на камне первые изображения. Та же деятельность развила подвижность руки и сделала способной к художественному творчеству» (стр. 28).

Значительное место в книге уделено анализу тех функций, какие выполняло (и выполняет сейчас) искусство в жизни создавшего его общества. Функции искусства в первобытном обществе детально рассматриваются в специальной главе работы (стр. 55—102). В целом и предлагаемая автором классификация, и истолкование им различных функций представляются достаточно обоснованными и убедительными. Однако, видимо, целесообразно было бы при анализе социальной функции искусства (стр. 69—73) не ограничиваться указанием на активное участие искусства в политической борьбе или на